

Т. А. ГУРИЕВ

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ АБАЕВ

(К 110-летию со дня рождения)

Чтобы служить историческим источником, язык сам должен стать предметом истории. От истории языка к языку истории – таков естественный путь лингвиста-историка, такова неизбежная логика его исследовательской работы.

В. И. Абаев

История мировой науки красна многими славными именами. Среди них почетное место занимает и имя выдающегося ученого, патриарха осетиноведения Василия Ивановича Абаева.

В. И. Абаев родился 3 января 1900 года в небольшом высокогорном селении Коби, прямо у знаменитой Военно-Грузинской дороги. Указанный географический штрих заслуживает внимания: населенные пункты, расположенные у магистральных дорог, имеют и лучшие транспортные возможности, более тесные связи с культурными центрами.

Василий окончил начальную школу в родном селении, и его определили в классическую гимназию в гор. Тифлисе. В 1918 году он окончил гимназию и стал работать учителем в родном ауле. Он мечтал о продолжении образования. Первые годы его работы в школе совпали с очень важными событиями в жизни страны. Мечта В. И. Абаева поступить в высшее учебное заведение стала реальной.

В 1922 году Василий Иванович поступил на отделение языковедения и литературы Петроградского (позже Ленинградского) университета. В те годы студенты имели право досрочного выполнения учебного плана. В 1925 году Василий Иванович окончил университет, и ему посоветовали поступить в аспирантуру Научно-исследовательского института сравни-

тельного изучения языков и литератур Запада и Востока. Мы дальше увидим, что в аспирантуру Василий Иванович пришел не с пустыми руками. Пока заметим, что в 1928 году В. И. Абаев окончил аспирантуру и был приглашен на работу в Кавказский историко-археологический институт АН СССР в Тифлисе. Однако здесь он поработал сравнительно недолго. В 1930 году он стал работать в Яфетическом институте АН СССР в гор. Ленинграде. В 1935 году молодому Абаеву присудили ученую степень кандидата филологических наук *honoris causa*, т.е. без защиты диссертации, за опубликованные им работы.

Накануне Великой Отечественной войны В. И. Абаев был приглашен в гор. Владикавказ для подготовки осетинского нартовского эпоса к изданию. В те годы он работал в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте и в госпединституте им. К. Л. Хетагурова.

После окончания ВОВ он вернулся в Ленинград, где работал в Институте языка и мышления (позже Институт языкознания) АН СССР. Через некоторое время, а именно после известной дискуссии по вопросам языкознания, указанный институт был переведен в гор. Москву. В 1952 году В. И. Абаев также переезжает в столицу и с тех пор работает в Институте языкознания АН СССР. В 1963 году В. И. Абаеву, тогда уже маститому ученому, присуждается ученая степень доктора филологических наук *honoris causa*. В. И. Абаев являлся лауреатом Государственной премии СССР (1982), заслуженным деятелем науки Грузинской ССР, заслуженным деятелем науки СО АССР, лауреатом Государственной премии им. К. Л. Хетагурова...

Внешне биография В. И. Абаева, возможно, не столь богата событиями. (Интересные биографические сведения приводят М. Исаев в книге «Васо Абаев», Л. Чибиров в серии очерков «Встречи с Васо Абаевым», недавно опубликованных в газете «Рæстдзинад»). Известно, что страницы биографии ученых заполняются не датами и бурными событиями. Свои подвиги ученый обычно совершает за рабочим столом в тиши кабинета.

Мы выше упомянули награды и почетные титулы В. И. Абаева. Но мы-то хорошо знаем, что научную мысль двигают не люди со степенями и званиями, а УЧЕНЫЕ. Василий Иванович относится к последней категории.

Чтобы оценить действие внутренних пружин, приводящих в движение энергию человека и направляющих эту энергию в то или иное русло, необходимо знать и среду, в которой он живет и работает, и научную литературу, которой он пользуется. В Ленинградском университете, где учился В. И. Абаев, работали Н. Я. Марр, Л. В. Щерба, В. Брюсов, В. Я. Владимирцов и многие другие яркие личности. Они были очень

разными по характеру, по научным интересам, но все принадлежали к тому классу увлеченных людей, которых обычно называют романтиками. Именно эта общая черта, помноженная на социальную активность, создавала здесь атмосферу творческого поиска. Вот эта атмосфера и определила широту научных интересов В. И. Абаева.

К тому же пребывание в Петрограде (Ленинграде) давало ему еще одно важное преимущество: двери самых богатых в стране библиотек были для него открыты.

Говоря о творчестве ученого, мы не можем не обратиться к началу его пути. В данном случае небезынтересно присмотреться к первым, еще студенческим шагам В. И. Абаева.

В отчете о деятельности Осетинского историко-филологического общества за 1922 год (а это был 4-й год существования названного общества) имеется любопытная запись, из которой явствует, что в том году было заслушано 9 докладов, в их числе и доклад студента Василия Абаева «Об ударении в осетинском языке». Из упомянутых девяти докладов, читаем в отчете, «наибольшего внимания заслуживают три доклада: П. Б. Мамулова, А. А. Тибилова и студента В. Абаева». Вот что говорится о работе последнего: «Что касается доклада студента Вас. Абаева об осетинском ударении, то он привлек внимание общества по двум причинам; во-первых, он имеет тесную связь со стихосложением... и, во-вторых, вопрос рассматривался молодым студентом, показавшим умение научно подходить даже к вопросу специального характера».

Основные положения доклада В. И. Абаева были опубликованы в первом номере «Известий ОсНИИК» в 1925 году. В том же году была напечатана обзорная статья «Новое в осетиноведении» за подписью «Зорати Вассо». У юного автора не было под рукой соответствующих источников и, как он заметил, «цитировал на память». Несмотря на это, статья представляется содержательной, информативной. Автор остановился на работах А. Христенсена, Н. Я. Марра, Г. С. Ахвледиани, М. Фасмера, М. Лойманна, Р. Якобсона.

В. И. Абаев не просто сообщает краткое содержание работ указанных ученых, но и высказывает свое суждение по ряду спорных вопросов. Например, в известной статье «Ossetica – Japhetica» Н. Я. Марр дает этимологию осетинского слова *кадаг* «сказание», «эпическая песня». Известный ученый связал его с грузинским *qadagi* «прорицатель». (Мимоходом заметим, что Н. Я. Марр был в общем-то кавказоцентристом и стремился все осетино-кавказские схождения объяснять влиянием «кавказского субстрата на осетинский»). В. И. Абаев критически отнесся к данному предположению своего учителя; он считает *кадаг* исконно осе-

тинским и связывает его со словом *кад* «почесть», «слава» (Этимологию данного слова автор этих строк рассматривает с иной точки зрения).

В статье В. И. Абаев высказал свое отношение к событиям, которые происходили в науке о языке. «Во всей индоевропейской лингвистике, – писал В. И. Абаев, – намечается сейчас некоторый сдвиг, который не может не отразиться и на изучении осетинского языка». Этот сдвиг предполагает всестороннее изучение лексики индоевропейских языков, учет заимствованных элементов и т.п. Следуя известному положению Якова Гримма «история языка есть история народа», В. И. Абаев писал: «Если поработать над драгоценными живыми древностями, словами, то может быть, на фоне истории осетинского языка станут вырисовываться смутные контуры истории осетинского народа».

После публикации данного обзора В. И. Абаев постоянно исследовал несметные «драгоценные живые древности, слова», и благодаря его поистине титанической деятельности многие стороны истории осетинского народа приобрели – нет, не контуры, а вполне явственные черты. Во втором томе Известий СОНИИ Василий Иванович опубликовал четыре работы. Их тематика поражает разнообразием: «Краеведение у горских народов», «Алгузиани. Перевод с грузинского», «Четыре ряда смычных согласных в осетинском», «Тоническое или метрическое?».

Читая первые публикации В. И. Абаева, человек поневоле задумывается над глубиной и разнообразием научных интересов их автора. Не побоюсь сказать, что перед нами вполне зрелые работы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня.

В. И. Абаев не был первопроходцем осетинского языкознания. До него работало на этой ниве много талантливых исследователей мирового звучания – А. Шегрен, В. Ф. Миллер, Н. Hübschmann, М. Фасмер, Н. Я. Марр и другие. Вопросы осетинского языкознания разрабатывали и яркие личности из числа осетин, однако ни один из них не был профессиональным лингвистом. Например, А. Г. Ардасенов (1852–1917), оставивший интересный след в области изучения алфавитов народов Кавказа, был по специальности лесоводом. Не были собственно лингвистами Б. Алборов, Г. Дзагуров, А. Тибилов и многие другие, которым пришлось решать вопросы теории и практики осетинского языка в 20-х и 30-х гг. В таких условиях появление В. И. Абаева, получившего солидную лингвистическую подготовку в одном из лучших центров страны, было заметным событием.

Используем стиль древнеримских сочинений и скажем, что начало научной деятельности В. И. Абаева было отмечено белым камнем. Творческое наследие В. И. Абаева чрезвычайно богато и разнообразно. Осветить все его стороны в небольшом очерке невозможно. Я остановлюсь на

некоторых из них. В формировании взглядов В. И. Абаева-ученого можно было бы выделить несколько интересных этапов. Например, в 1935–1945 годах им разработана важная гипотеза о монгольских влияниях в осетинском героическом эпосе «Нартæ».

В 1935 году была опубликована статья «О собственных именах нартовского эпоса». Фактически она являлась своеобразной заявкой на разработку проблемы монгольских влияний в Нартиаде. Именно в данной статье впервые указал новое направление поиска тайн происхождения неосетинских имен – *Хæмыц, Батрадз / Батраз, Сайнæг*.

С того времени фактор монгольского компонента в нартовской антропонимии является *conditio sine qua non*. Правда, в статье ощущается некоторая неуверенность ее автора в решении столь важного вопроса. Например, говоря об имени нартовского героя САЙНÆГ, которое его заинтересовало, он предложил три варианта объяснения: 1) как результат стяжения Сау-айнагт – Сайнагт; 2) возможная связь с монгольским SAYIN, которое встречается в составе монгольских собственных имен; 3) гипотетическую связь с скифским SANAGOS.

Следует отметить, что имя *Батрадз* автор считает именем «монголо-турецкого происхождения», а ХАМЫЦ – одним из «интересных памятников старых осетино-монгольских сношений». Заметим, что в указанной статье рассматривается большой корпус имен осетинского эпоса, из которых самому автору «наиболее интересным и, если угодно, наиболее смелым является, быть может, разъяснение» имени *Уархæг* «Волк», поскольку это имя имеет не только лингвистический, но и мифологический и культурно-исторический интерес.

Свое окончательное оформление гипотеза о монгольских влияниях получила в монографии «Нартовский эпос». Как справедливы слова латинской поговорки *habent fata sua libelli* «и книги имеют свою судьбу»! Нет ни одного сколько-нибудь серьезного исследователя нартовского эпоса, который прошел бы мимо работы В. И. Абаева «Нартовский эпос». Ее цитируют и хвалят, но не за то новое, что она содержит, а за другие достоинства. Новизна же данной монографии состоит в том, что в ней: 1) автор доказал отражение в осетинском героическом эпосе монгольских влияний и сделал вывод: «Нартовский эпос – это аланский эпос с монгольскими влияниями». 2) наличие монгольских влияний в эпосе позволяет датировать его окончательное оформление 13–14 веками.

В монографии впервые проводится мысль о монгольском происхождении термина *Нартæ* – общего наименования героического рода. В. И. Абаев рассмотрел этот термин с точки зрения формы и содержания.

В частности, автор уверенно заключает, что в финале термина следует видеть осетинский суффикс *-тæ*, соответственно, термин является собственно осетинским образованием. Термин, по мнению В. И. Абаева, первоначально был связан с циклом Батраза, но впоследствии распространен на весь род. Что же касается корня термина, то здесь ученый усмотрел монгольское слово нар – «солнце», т.е. Нарты были детьми солнца. По мнению ученого, герои аланского эпоса и до встречи с монголами считались «детьми солнца», монгольское влияние «способствовало лишь замене соответствующего старого наименования новым, образованного от монгольского нара «солнце», и распространению его на всех эпических героев».

Приведенные важнейшие положения монографии В. И. Абаева были поставлены под сомнение; насколько мне известно, ни один нартовед не согласен с ним. Напомню, что даже такие ученые, как Г. Бейли, Ж. Дюмезиль, Л. П. Семенов и другие, не приняли приведенную этимологию слова Нарта, гипотезу монгольских влияний в Нартиаде. Секрет неприятия основных положений гипотезы В. И. Абаева в том, что история средневековых алано-монгольских отношений не была изучена достаточно полно, а поэтому старшее поколение энтузиастов оказалось не подготовленным к объективной оценке этой интересной концепции. Каждому понятно, что появление новой, конкурирующей научной гипотезы следует всячески приветствовать; ее необходимо развивать, доводить до уровня теории. Если же не будет получен положительный результат в ходе апробации, то не поздно отказаться от нее, ибо в науке и подобный результат есть определенный этап к постижению истины. Сказанное о судьбе гипотезы В. И. Абаева должно заставить нас еще раз подумать об уровне нартологических исследований.

Занятия эпосом дали Василию Ивановичу, человеку огромной эрудиции и широких интересов, новые темы. Его перу принадлежит ряд исследований по осетинскому героическому эпосу, значение которых выходит далеко за рамки собственно нартоведения.

Отличительной чертой работ В. И. Абаева-лингвиста является стремление проникнуть в тайны генезиса эпоса через специфическую лексику и материал собственных имен. При этом он использует свои богатые познания в области истории языков, с присущим ему блеском применяя сравнительно-исторический метод. Ученый исходит из специфики устнопоэтического творчества и учитывает, что «зачатки эпоса могут содержаться в других жанрах – в рассказах героического, мифологического и сказочного характера, из которых героический эпос начинает выделяться как новый и самостоятельный жанр».

Сказанное имеет прямое отношение к осетинскому эпосу. В нем мы без труда обнаружим следы древних верований и мифов, сюжеты сказочного характера и т.д.

Решая проблему генезиса многопланового нартовского эпоса, вызвавшую многочисленные споры, В. И. Абаев предложил свой план работы. «Изучая это загадочное произведение со всех сторон, – писал В. И. Абаев, – мы открыли на первых порах только одну щель, одно окошко, через которое можно проникнуть внутрь, посмотреть, кто же его хозяева: это собственные имена нартовских героев». По убеждению ученого, «главнейшие из них относятся к самым устойчивым и общераспространенным элементам эпоса».

Поэтому В. И. Абаев время от времени возвращается к именам и образам фольклорных героев.

В 1986 году в помещении фундаментальной библиотеки Северо-Осетинского госуниверситета Василий Иванович прочитал доклад, посвященный происхождению осетинских фамильных названий *Цæразонтæ* и *Æгъузатæ*. Трудно себе представить то неизгладимое впечатление, которое произвел этот доклад на аудиторию.

По мнению ученого, родовые названия *Сидæмонтæ*, *Цъæхилтæ*, *Цæразонтæ* и *Æгъузатæ* имеют весьма солидный возраст. Из приведенных названий автор остановился на последних двух. Он показал, что осетинские правители *Цæразонтæ* и *Æгъузатæ* вели свою легендарную родословную от римских императоров, которые со времени Октавиана Августа принимали титул «Цезарь» и «Август». «Стремление аланских правителей обзавестись «царственной» титулатурой, – говорил В. И. Абаев, – могло быть не только продолжением старой, идущей от скифских времен, традиции, но и результатом подражания некоторым соседним странам с развитой государственной структурой».

Таким образом, за народными преданиями о происхождении названий правящих родов ученый увидел зигзаги становления государственности у алан, стремление правящих кругов доказать законность своих привилегий и получить мандат на будущее.

В той же работе автор выступает против версии Вахушти Багратиони, который в 18 веке внес в древние грузинские рукописи свои «дополнения», внушая читателям идею багратидства Давида Сослана-Царазона – мужа и соправителя грузинской царицы Тамары. В. И. Абаев объяснил мотивы, которыми руководствовался Вахушти, фальсифицируя древние рукописи. Факты истории, народные предания и свидетельства языка, связанные в один узел В. И. Абаевым, явились основой, на которой выросла приведенная концепция. Данный пример характеризует творческий почерк В. И. Абаева.

Небезынтересным представляется происхождение и название *Сидæмонта*, которое служит обозначением отдельных родов Алагирского, Куртатинского и Кобанского ущелий Северной Осетии-Алании, а также некоторых фамилий Южной Осетии. *Сидæмон* – имя одного из пяти родоначальников алан (осетин) – возводится В. И. Абаевым к хорошо известному древнеиранскому *Спитаман-у*, причем все фонетические изменения Спитаман-Сидæмон вполне закономерны. И в данном случае Василий Иванович не останавливается на полпути. Выяснив этимологию Сид æмон, он выясняет ту этническую среду, в которой оно было прописано с древнейших пор. Автор не сомневается, что скифо-сарматские племена как раз и были той средой. Данное заключение подтверждается многочисленными свидетельствами. Известно, например, что Зороастр был Спитамидом. Данный факт достаточно многозначителен: 1) с большой долей вероятности можно предположить, что Зороастр принадлежал к тому же скифо-сарматскому миру, 2) Зороастр был человеком знатного происхождения.

В «Авесте» встречается загадочный феномен – появление перед *h* внутри слова неэтимологического носового согласного. Профессор Георг Моргенштерн по этому поводу заметил, что есть основание для сомнения в его реальности, поскольку ни в одном иранском языке подобный феномен не отмечается. «Существует по крайней мере одно иранское наречие, где наблюдается точно такой же фонетический феномен: появление неэтимологического *n*, перед *x*, а также перед *g*, – писал В. И. Абаев. – Мы имеем в виду дигорский диалект осетинского языка». Данное предположение подтверждается убедительными примерами: *хуарзæнхæ* «милость», *фудæнхæ* «немилость», *фунх* «вареный», *хонх* «гора», *уасæнгæ* «петух», *гъарæнгæ* «причитание» и т.п.

Приведенное положение В. И. Абаева дало исчерпывающий ответ на поставленный вопрос и рассеяло все недоумения и сомнения о характере указанного феномена в «Авесте».

Но здесь стоит задуматься над многозначительностью сделанного открытия. Вывод В. И. Абаева фактически еще раз подтверждает близость (или даже историческую идентичность) дигорского диалекта осетинского языка к языку бессмертного памятника древности «Авесты».

В. И. Абаев внимательно следит за сложными путями развития нартоведения, а при необходимости участвует в дискуссиях.

Ряд статей посвятил он творчеству выдающегося французского ученого Ж. Дюмезиля, внесшего неопределимый вклад в нартоведение. «Когда произносится имя Дюмезиль, – писал В. И. Абаев, – первое, что приходит в голову, это его учение о трифункциональной идеологии индоевропейских народов: римлян, скандинавов, иранцев, индоариев».

Сам В.И. Абаев приводит дополнительный материал в поддержку теории французского ученого о трехчленной организации древнего общества, нашедшей соответствующее отражение и в идеологии (речь идет о трех частях древнего общества, каждая из которых выполняла функции - культовую, военную и хозяйственную). В осетинском эпосе легко рассмотреть реминисценции об организации древнего общества. Первую функцию выполняет род Алæгатæ, вторую – Æхсæртæггатæ, третью – Борæтæ. В. И. Абаев полагает, что и в русском фольклоре есть аналогичные мотивы. Например, в сказке Л. Толстого о трех братьях, написанной в духе народных преданий, говорится, что старший брат Семен был воином, второй брат Тарас – брюхан, третий – Иван-дурак. По поводу младшего из братьев В. И. Абаев замечает: «Не удивляйтесь. Иван-дурак – излюбленный герой русских сказок. По ходу сказки выясняется, что «дурак» стоит неизмеримо выше своих братьев и к концу становится добрым и мудрым царем».

Трифункциональность у славян просматривается и в функциях божеств. Перун – грозовой бог и бог войны, Велес – покровитель скота и скотоводства, Святогор (Свантовит) – бог богов, солнечный бог, выполняющий культовую роль.

Между Ж. Дюмезилем и В. И. Абаевым были прочные творческие контакты. Личное знакомство между ними состоялось в 1966 году, когда Василий Иванович был приглашен в Париж для чтения лекций на тему «Дети Солнца».

Фольклористические интересы В. И. Абаева не ограничиваются тематикой Нартиады. Ряд его исследований имеет общетеоретическое значение. К последним можно было бы отнести такие глубокие работы, как «Троянский конь», «Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нартов и римлян», статьи о поэме Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре» и другие.

Есть еще одна область осетиноведения, которая особенно близка В. И. Абаеву. Это диалектология. Фактически Василий Иванович является крупнейшим специалистом осетинской диалектологии. Его первые опыты исследования материала осетинских диалектов относятся к 20-м годам. В 1927 году в «Докладах РАН» были опубликованы две его сравнительно небольшие статьи – «О ксанском наречии осетинского языка» и «Диалектический обзор Южной Осетии». Эту тему ученый продолжил в работе «О языке южных осетин».

Повышенный интерес В. И. Абаева к диалектологии оправдывается в значительной степени потребностями развития единого литературного языка. Последний, по мнению ученого, «должен использовать вырази-

тельные средства всех диалектов, должен достигнуть такого совершенства, разнообразия и гибкости выражения, чтобы каждому было очевидно его превосходство над разговорной речью любой диалектальной разновидности».

Понятно, что дигорский диалект, сохранивший столько архаического, представляет для истории осетинского языка и иранистики уникальнейший источник.

1949 год. В биографии В. И. Абаева этот год был ознаменован замечательным событием: вышел из печати его «Осетинский язык и фольклор-1», которому суждено было стать самым выдающимся произведением в осетиноведении после трудов Всеволода Миллера. В данный сборник вошли ранее опубликованные и неопубликованные работы Василия Ивановича. Именно в «Осетинском языке и фольклоре» мы впервые увидели В. И. Абаева во весь его гигантский рост. И именно данная работа положила начало новому этапу в развитии осетиноведения (не только осетинского языкознания).

В первую часть ОЯФ-1 – «Общие вопросы» – вошли фундаментальные исследования по истории языка. Я имею в виду «Происхождение и культурное прошлое по данным языка», «О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском», «О винительном падеже в осетинском» и другие.

Впервые в истории осетинского языкознания довольно детально разработана тема скифо-алано-осетинской языковой непрерывности. В ОЯФ-1 вошли его ныне знаменитые «Скифо-аланские этюды». Кажется, автор здесь подверг внимательному анализу весь материал, который был известен в то время по данной тематике. Его «Скифский язык», «Древнеосетинская Зеленчукская надпись», «Alapica», «Значение и происхождение слова *ронг*» и другие заняли важное место в осетиноведении. Любопытно, что составители капитального коллективного труда «Основы иранского языкознания» включили в его первый том работу «Скифский язык». Изменено заглавие на «Скифо-сарматские наречия», что представляется вполне логичным. В предваряющей части данного раздела В. И. Абаев обращает внимание на то, что венгерский ученый Я. Харматта выделил четыре языка или диалекта в скифо-сарматском мире. Василий Иванович сделал одно существенное замечание по поводу концепции венгерского ученого: последний не учел фактора хронологии. Например, в двух сарматских формах одного слова *pourt/fourt* следует видеть не две синхронно существовавшие диалектные формы, а две ступени эволюции сарматской речи; первая с начальным «р», более близка к древнеиранскому состоянию, вторая, с начальным «f», смыкается с современным осетинским *фурт* «сын».

ОЯФ-1 является самым крупным и фундаментальным произведением, в котором рассмотрены вопросы диалектологии. В нем В. И. Абаев фактически решил кардинальные вопросы осетинской диалектологии. (Очень жаль, что диалектологические работы В. И. Абаева не были опубликованы отдельной книгой.) В эту книгу вошли «Словарь дигорско-иронских расхождений», «Словарь дигорских слов, различающихся от иронских по форме» (имеются в виду различия, которые выходят за рамки обычных звуковых соответствий), «Список дигорских слов, различающихся от иронских по употреблению» (т.е. по семантике). К разделу приложен и «Обратный ироно-дигорский указатель».

В общем балансе поднятых в ОЯФ-1 проблем удельный вес грамматики сравнительно незначителен. Основное внимание автора, сосредоточено на вопросах истории осетинской лексики и диалектологии. Задачи, поставленные В. И. Абаевым, были им блестяще решены. Вот основные выводы ученого.

1. Осетины являются прямыми наследниками скифов и алан. Данный тезис был выдвинут задолго до В.И. Абаева, однако в ОЯФ-1 (и в последующих работах) он получил новое подтверждение и развитие.

2. Наряду с исконно иранским компонентом В. И. Абаев вторым важнейшим компонентом осетинского языка считает кавказский. Последний послужил, по мнению автора, субстратом, на котором формировался осетинский язык.

3. В лексике сохранились следы встреч предков осетин со многими народами и племенами; эти следы представляются вполне надежным материалом для воссоздания истории народов.

Книга ОЯФ-1 является, несомненно, ярчайшей страницей в истории осетинского языкознания (и осетиноведения в целом). Ее значение не поддается оценке. Мы еще раз констатируем, что данное произведение В. И. Абаева позволило подняться осетиноведению на качественно новую ступень.

Как уже отмечалось, в творчестве В. И. Абаева ведущее место занимают вопросы истории осетинской лексики. Не могу забыть, что в начале 50-х годов Василия Ивановича подвергли критике именно за увлечение историей языка, которое квалифицировалось чуть ли не как бегство от современности. Некоторые деятели советовали маститому ученому заняться упорядочением осетинской орфографии, вопросами совершенствования графики и т.п. С высоты сегодняшнего дня мы объективнее оцениваем некоторые события прошлого. Мы должны быть благодарны судьбе за то, что В. И. Абаев в то время оказался... за пределами Осетии, что так называемое «горячее дыхание сегодняшнего дня», засосавшее столь многих

способных ученых в бесконечные дискуссии и споры, не коснулось В. И. Абаева. Уверен, что в условиях тогдашней Осетии он не смог бы завершить начатые им работы, которыми в настоящее время гордится отечественная наука.

Впрочем, обвинения в «бегстве от современности» были совершенно беспочвенны, если не сказать демагогическими. Многие работы ученого, в их числе «Русско-осетинский словарь», «Грамматический очерк осетинского языка» и другие, посвящены актуальным задачам осетинского языкознания.

20 век – век бума в области лексикографии. В потоке словарной продукции, призванной удовлетворить разные интересы читателей, этимологические словари занимают едва ли не самое почетное место. Среди последних выдающееся место занимает пятитомный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В. И. Абаева. Для языка, на котором сохранилось несправедливо мало письменных памятников прошлого, предложенный автором тип этимологического словаря представляется прямо-таки идеальным.

Василий Иванович решительно преодолел сухость, столь характерную для этимологических словарей. Можно утверждать, что созданный им широкий фон «жизни слов» есть эталон, образец подачи этимологии.

Первый том ИЭСОЯ вышел из печати в 1958 г., а последний пятый – в 1995 году.

С изданием первого тома ИЭСОЯ обогатилась не только осетинская лингвистика, но и мировая наука в целом. Когда в 1982 году за еще *незавершенный* труд (за первые три тома) Василию Ивановичу присудили звание лауреата Государственной премии СССР, мы расценили это как факт признания выдающихся заслуг ученого не только в области осетинской лексикографии.

«Историко-этимологический словарь осетинского языка» венчает лексикографическую деятельность В. И. Абаева.

Еще совсем недавно один из ведущих иранистов профессор Я. Гарматта среди актуальных задач осетинского языкознания считал *расслоение* лексики по этимологическим пластам. Венгерский ученый тогда еще не знал, что эту задачу успешно решал В.И. Абаев в своем ИЭСОЯ.

К созданию ИЭСОЯ В.И. Абаев приступил не сразу, хотя он, кажется, думал о нем с двадцатых годов. Когда же он приступил к реализации своего замысла, он имел четкий план работы. Правда, ИЭСОЯ выходил частями и с большими интервалами. Совершенно очевидно, что все эти тома ИЭСОЯ должны быть переизданы одновременно, поскольку они уже стали библиографической редкостью.

Специалисты оценивают этот труд самым высоким баллом. Они отдадут дань широкой эрудиции автора, строгой логике изложения, мастерскому применению методов сравнительного языкознания, объективному анализу языкового материала и т.д.

Словарные статьи в ИЭСОЯ, как правило, заключают в себе разнообразную информацию: диалектные формы слова (если в том есть необходимость); русские эквиваленты; исторические сведения и сведения о соответствующих реалиях; участие слова в словосложении или словообразовании; его фразеологическое значение или участие в образовании фразеологических единиц; литературные примеры (на диалектах); этимологию слова с указанием разных точек зрения.

Иногда В. И. Абаев предлагает свои же альтернативные этимологии, если чувствует уязвимость своих построений. Нередко он оставляет вопрос о происхождении слова открытым и тем самым как бы приглашает будущих исследователей к поиску.

ИЭСОЯ является ценнейшим справочником по истории понятий, мифологическим воззрениям и обычаям предков осетин. Вот почему его считают путеводителем в древний мир. Позволю себе привести один пример.

Слово УЃЙЫГ «ваюг» в настоящее время понимается как «великан», «силач» и т.п. Автор ИЭСОЯ подробно рассматривает историю данного слова, показывает его истоки и связи с соответствующими словами в других языках. Он обращает особое внимание на случаи упоминания слова УЃЙЫГ в фольклоре, где герой выступает в качестве... стража в Стране мертвых. Данный мотив вплотную подводит нас к древнему образу иранского ВАЙУ - бога смерти, хорошо известного из «Авесты» и других источников. Наличие данного образа в украинском фольклоре под названием ВИЙ дает В. И. Абаеву еще один сильный аргумент в пользу его концепции древних скифо-славянских контактов. Данная интерпретация образа Ваюга в осетинском показывает несостоятельность прежних объяснений истории слова (считалось, что оно восходит к WAYUKA – первоначально «бог ветра», ср. VAYU – «ветер»). Данная статья, посвященная, казалось бы, такому обычному слову, вырастает в увлеченный научный очерк. И подобных очерков в ИЭСОЯ много. Вот почему этому словарю обеспечен вечный успех.

Василий Иванович всегда тяготел к теоретическим размышлениям. Он является автором многих специальных работ по вопросам общего языкознания, на что уже обращалось внимание.

Общетеоретические работы посвящены разным темам – фонетическому закону, субстрату в языке, роли идеосемантики, сущности

омонимии, защите гуманитарных наук от эрозии т.н. модернизма и т.п. - и имеют методологическое значение.

1965 год. Из печати вышла его работа «Скифо-европейские изоглоссы». В ней обосновывается концепция СЕПАРАТНЫХ скифо-европейских связей, подтверждаемая свидетельствами языков. Для реконструкции связей скифов с другими народами в доисторическую эпоху В.И. Абаев привлек разнообразные данные, из которых можно «извлечь материал для объяснения», в данном случае, характера контактов скифо-сарматских племен с древними славянами, германцами, италийцами... Таким образом, привлекаемые ученым данные языков и фольклора служат вполне надежными (а порой даже *единственными*) свидетельствами доисторических связей.

Приведу один характерный пример. Автор поставил вопрос о восточнославянском божестве Родь-Род. В. И. Абаев называет его «популярнейшим в народе божеством», которое, возможно, было верховным богом. Название божества может показаться, как пишет автор, «странным и неправдоподобным», однако осетинские факты решительно поддерживают приведенное объяснение. В осетинском яфетическом пантеоне есть абсолютная семантическая аналогия восточнославянскому Родь. Это Наф, имеющее тоже значение «род» – «gen». Сказанное позволило отнести рассматриваемую пару – Род и НАФ – к скифо-славянским религиозно-типологическим изоглоссам.

Эта сравнительно небольшая по объему книга представляется одним из важнейших произведений по изучению доисторических контактов языков.

В 1972 году В. И. Абаев опубликовал статьи «К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов», в которой ученый использовал разные материалы:

- 1) арийские элементы в угро-финских языках;
- 2) арийский гидроним *Rasa* – «Волга»;
- 3) арийские языковые свидетельства из Передней Азии середины II тысячелетия до н.э.;
- 4) иранскую топонимику и ономастику Передней Азии X–XIII вв. до н.э.;
- 5) европейские элементы в иранских языках сако-афганско-припамирской группы и в осетинском.

Как видно из вышеприведенного корпуса материалов, вопрос о прародине и миграциях арийских народов рассмотрен на широкой основе и со всех сторон.

В. И. Абаев исходит из убеждения, что индоевропейская общность была реальностью, что прародиной праиндоевропейцев была Европа. Эта общность стала на путь распада в начале III тысячелетия до н.э. Арийские племена были частью, ответвлением индоевропейского мира и контактировали с угро-финскими народами. Ученый пришел к выводу, что арийская общность распадается во 2-й половине III тысячелетия до н.э. Дальше идет распад иранской общности в конце II – начале I тыс. до н.э.

В. И. Абаев был уверен, что киммерийцы и скифы были близкородственными иранскими племенами. Соответственно, киммеро-скифская группа распространяется на Запад и Восток, причем часть скифов, ранее ушедших из Восточной Европы, *возвращается* на свою *прародину*, которую к тому времени заняли киммерийцы. Позже скифы мигрируют на Кавказ.

Как видно из сказанного, основные интересы Василия Ивановича фокусируются на лексике. Точнее – на истории слов. Когда-то А. Х. Востоков жаловался академику А. Н. Оленину на низкое качество тогдашних лексикографических изданий и поставил вопрос об изучении словаря с тем, чтобы «извлечь из сего хаоса столько свету, сколько нужно для основательного и философического словопознания». Василий Иванович являлся одним из тех специалистов, которые успешно работали на ниве лексикографии и извлекали из слов «столько свету», сколько можно для «основательного и философического словопознания».

Сказанное относится не только к его лингвистическим, но и к литературоведческим, этнографическим и прочим трудам.

Нельзя не сказать, хотя бы коротко, о языке и стиле произведений Василия Ивановича. Слог его отличается предельной ясностью и живостью, чего, увы, явно не хватает многим ученым. Даже лингвистам. В.И. Абаев не увлекался модернистскими терминами и словечками, которыми в последние годы некоторые авторы буквально наводнили наши газеты и журналы и за которыми, говоря словами Петра Великого, самого дела разуместь невозможно. У него можно поучиться логике изложения своих мыслей и концепций, поучиться ведению полемики, когда ученый отстаивает свои взгляды, и т.п.

Наконец, хотелось бы заметить, что Василий Иванович, вступая в одиннадцатый десяток своей жизни, не почивал на вполне заслуженных лаврах. Он не только пожинал богатый урожай посеянных им зерен, но и с завидной энергией продолжал трудиться на привычной ему ниве – ниве науки.

Вступив в XXI век, Василию Ивановичу удалось прожить совсем немного – всего три неполных месяца. 18 марта 2001 года его не стало.

«Я знаю, как называется то, что сделал Абаев: это подвиг. Нам, не иранистам, хорошо видно глобальное значение этимологического осетиноведения. Этнолингвистическая реконструкция исторического прошлого небольшого народа на Северном Кавказе уводит нас в такие дали и обретает такие масштабы, которые поражают воображение... Можно сказать, что древняя история не знала другого такого примера».

О. Н. Трубачев

«Непревзойденные познания В. И. Абаева в области осетиноведения служат обогащению иранистики уже с 1926 года».

И. Гершевич

«Вы остаетесь образцом не только ученого, но и истинного гражданина, подлинного рыцаря и скромного труженика, настоящего подвижника в работе и жизни».

И. М. Стеблин-Каменский

«... я помню, что у вас есть покровитель путников – Уастырджи. Наверное, когда-то к Василию Ивановичу, когда он проходил свой великий путь, прикоснулся этот великий покровитель».

В. Г. Тарасенко

«Вы – национальная гордость нашего народа... Мы учимся у Вас и жить, и любить свой народ, и разрабатывать проблемы спасения национальной культуры».

Б. А. Калоев

«Сон, рын ма фен, хур фен бирæ!
Фæндаг уæд сыгъдæг дæ рухсмæ!
Ды цы бон фæзындтаг Ирæн,
Уый уæд арфæйаг æнусмæ!»

Плиты Грис